

Смысловые ресурсы культуры в контексте смены исторических парадигм

Современная литература отмечена противоречивыми тенденциями. К некоторым из них можно относиться с законным негодованием, не влияющим, однако, на их популярность среди массового или элитарного читателя. Многие веяния культуры несут отпечаток моды на намеренную провокационность, другие отмечены верностью испытанному веками реалистическому стилю.

Стало очевидным, что интенсивное возвращение к наследию русской художественной мысли, как правило, осуществляемое в акте ее приватизации той или иной профессиональной институцией, приводит к нивелировке наследия и в конечном итоге к его неконкурентоспособности на рынке читательских предпочтений.

Культура меняется, появляются новые тренды, и их рождение часто совсем не связано с деградацией социальной морали, на которую легче всего списать кризис словесности. Причины изменения писательских и читательских предпочтений многочисленны.

Культура столкнулась с проблемой разрушения личности читателя. Произошло формирование случайных идентичностей, состоящих из хаотичного набора элементов. Кризис культуры связан с общим кризисом культуры потребления культуры в России. Читатель освобождается от обязательств ориентироваться на отдаленные цели и самокультивацию в соответствии с некими высокими идеалами. Потребитель культуры более нуждается не в разъяснении смысловых параметров мира, а в социальности.

Писатели в стремлении освоить реальность через личностное переживание или через опыт предшествующей культуры, сознательно или интуитивно практикуют философско-эстетический синтез, приводящий в итоге к ревизии или ироническому переосмыслению традиции, создают интертекстуальные построения, отмеченные мутацией стилей, эстетик и философских концептов.

Современная критика отказалась от традиционной теоретической почвы. Такие категории и понятия, как «народность», «эстетический идеал», «художественный метод» ощущаются устаревшими и не отвечающими реальной литературной практике, как и понятие «герой». Слово «герой» распрощалось с древнегреческой этимологией, так и с патетическими ассоциациями и нивелировалось до лишенных активного действенного начала синонимов-субститутов «характер», «персонаж», «субъект действия», «субъект речи» и т.д.

В современной литературе отсутствует герой как носитель идеологии, противопоставленной социал-дарвинизму. Очевидно, если такой герой и

существует, то в гамлетовском облике наблюдателя, рефлектирующего над увиденным, или в образе жертвы происходящего.

Сегодня отсутствует универсальный метод и стратификации и идентификации читателя, так как человек пребывает в размытой картине между игрой, мифом, рациональным знанием, мистикой и т.д.

Культура перестала быть носителем памяти. Она сама дезориентирована и не в состоянии выстроить что-то осмысленное, называемое проектом настоящего или будущего.

«Эпоха идеологического вакуума», прикрывавшаяся мыслью о необходимости неуклонного разрушения ценностей предшествующих периодов, исчерпала себя. Но современный писатель не в состоянии увидеть за фактом реальности и флером классического мифа само вещество философских смыслов, приращивающих отдельного человека к онтологии мира и феноменальности того, что в эстетике соцреализма называлось «народной судьбой».

Понятие «народная судьба» полностью дискредитировало себя сотрудничеством с соцреализмом, покинуло книги и критические статьи. Следом ушла в небытие тема патриотизма. Российская культура последней четверти века так и не смогла найти интонацию, с которой можно о любви к Родине, минуя архаичный официоз, игнорируя различия классовых приоритетов, социальную раздробленность, идеологическую тавтологичность новой государственной пропаганды. Государственный заказ на реализацию данной темы языком культуры существует и даже весьма выразительно финансируется, однако, за последнее время трудно найти хотя бы несколько литературных явлений патриотического характера, реализованных в сильной эстетике и философии, которые могли бы свидетельствовать о возникновении тенденций. Как результат, отсутствие идеи общего «мы» в современной культуре. Лакуна заполняется идеей религиозного единения или неряшливой пропагандой.

Привычный инструментарий понятий «культура», «искусство», «личность» уже практически не в состоянии объяснить человеку, кто он. Поэтому легитимизируются двусмысленные категории «алиби автономности», «заложничество личности», «корпоративная порука», «негативная идентичность».

Особый тренд современной культуры - разрушение системы культурных авторитетов. Сегодня культура часто воспринимается автономной субъективностью индивида без шпалгалки авторитета и традиции. Отсутствие четко сформулированной общенациональной или общегражданской идеи приводит к тому, что эрозии подвергаются не только константы культуры, но и те, кто с ними ассоциируется. Внутреннее ощущение растерянности у деятелей российской культуры вызвано сменой культурных парадигм: традиционные культурные системы ушли, а новые еще не сформулированы.

Актуальной повесткой дня становится противоположное идее коллективизма явление: концепция неолиберального прагматизма,

основанная на отказе от культурно-патерналистских ценностей. Безусловно, неолиберальный прагматизм имеет много положительных качеств, однако в нашей стране он, только появившись, дал совершенно негативный эффект. В сегодняшней России неолиберальный прагматизм, спускаясь на уровень демократических масс, превращается в дешевые поделки, которые массами воспринимаются в качестве оригиналов.

Конкуренцию книге составляет культура Интернета со всеми философскими последствиями.

Сфера смысловых ресурсов современной культуры в равной степени отмечена качествами устойчивости и воспроизводства, как и несистемности. Культура продолжает оставаться и душеполезным паролем для приверженцев традиции, и престижным предметом модного потребления. Чем она перестала быть, так это конформистски готовым знанием, однообразным по выводам и инерционным в аспекте универсальности применения.

Культура настойчиво избирает роль имитатора возбуждения самостоятельного интеллектуального процесса, но при избытке форм, тенденций, читательских типов дефицит репродукции идей сегодня, как и прежде, ощущается остро.

Теннеси Уильямс как-то произнес: «Если у тебя есть тайна, страх быть разоблаченным может быть разрушительным». Наша общая русская тайна заключается в том, что мы живем, настойчиво апеллируя к цитатам из классических произведений, когда сами эти произведения давно перестали быть читаемы и популярны у народа. Исследователь культуры в силу своих профессиональных навыков, задач и целей призывает сплотиться под знаменами культурных мифов, по мере возможности обновляет их, при необходимости перекраивает. Но попытка вдохнуть в них жизнь часто оказывается тщетной.